

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

guryan.sakhyanov@yandex.ru

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ МЕЖДУРЕЧЬЯ ЕНИСЕЯ И ЧУЛЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ МАРКЕЛОВ МЫС I И МАРКЕЛОВ МЫС II)*

Наборные пояса, получившие широкое распространение в древнетюркскую эпоху, являются важнейшим источником, отражающим культурные и этнические связи народов, населявших территорию Сибири и Центральной Азии. В статье описывается этнокультурное взаимодействие различных этнических групп на территории Среднего Енисея в древнетюркскую эпоху на основе анализа поясных наборов из могильников Маркелов Мыс I и II, расположенных в междуречье Енисея и Чулыма. В основу данного исследования легли детали 12 поясных наборов. Большинство целых и частично сохранившихся поясных наборов найдено в погребениях тюрок, совершенных по обряду трупоположения с конем. В погребениях по обряду трупосожжения на стороне, принадлежащих енисейским кыргызам, встречались лишь отдельные детали поясов. Большая часть наборных поясов состоит из железных предметов простых геометрических форм. Статусные поясные наборы из серебра и бронзы, найденные в древнетюркских погребениях, принадлежат воинам, занимавшим высокое социальное положение. Материалы поясных наборов данных могильников показывают, что взаимное культурное влияние кыргызов и тюрок прослеживается в различных аспектах. Завоевание древними тюрками территории междуречья Чулыма и Енисея привело к тому, что местное кыргызское население под их влиянием стало чаще помещать в могилы детали поясных наборов. Кыргызы, занимавшее подчиненное положение, копировали формы тюркских поясных наборов, используя вместо бронзы и серебра железо. Детали поясных наборов могильников Маркелов Мыс I и II имеют многочисленные аналоги в синхронных памятниках Горного Алтая. Данное обстоятельство дает основание предполагать, что, возможно, группа тюрок пришла в район междуречья Чулыма и Енисея с территории Горного Алтая.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Средний Енисей, поясной набор, древние тюрки, енисейские кыргызы, этнокультурное взаимодействие.

В Средние века пояс был обязательным атрибутом воина-кочевника, который помимо функциональных задач показывал социальный статус владельца и его этническую принадлежность. Исследователи средневековых древностей Сибири и Центральной Азии отмечают, что пояс являлся своеобразным паспортом воина, по которому мож-

но было судить о его успехах и наградах. Так, за доблесть в бою воину могли пожаловать лировидную подвеску, бляху-накладку или пряжку на ремень, а пояс из драгоценных металлов (цельный или позолоченный) считался важнейшим показателем богатства и боевых способностей [Добжанский, 1990. С. 79].

* Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ.

Наборный пояс и его детали неоднократно становились предметом исследований различных авторов. Систематизации и классификации археологического материала, реконструкции и эволюции наборных поясов Евразии посвящены работы В. И. Распоповой [1965; 1980], А. К. Амброза [1971], В. Б. Ковалевской [1979], В. Н. Добжанского [1990], Б. Б. Овчинниковой [1990], Г. В. Кубарева [2005].

В плане изучения поясных наборов древнетюркского времени Сибири и Центральной Азии значительный интерес представляют материалы могильников Маркелов Мыс I и II, которые с 1989 г. монографически изучались Красноярским археологическим отрядом Новосибирского государственного университета (руководители раскопок Ю. В. Тетерин и О. А. Митько). Памятники находятся в наиболее узкой части (10 км) междуречья Енисея и Чулыма в 7 км севернее с. Новоселово Красноярского края и в 1 км западнее берега Красноярского водохранилища. Могильники исследованы почти полностью. Они расположены на расстоянии около 400 м друг от друга. Включали погребения таштыкского времени (склепы и детские могилы), а также более поздние захоронения тюрков по обряду трупоположения с конем. На могильнике Маркелов Мыс I раскопаны одновременные с древнетюркскими захоронения кыргызов по обряду трупосожжения на стороне.

Материалы погребального обряда и находки из раскопок дают новые возможности для изучения этнокультурного взаимодействия между различными этническими группами, проживавшими на данной территории в древнетюркское время, а также их связей с другими народами Центральной Азии. Поясные наборы и их детали предоставляют широкие возможности для решения указанных проблем.

Поясные наборы (целиком или частично) встречаются в основном в древнетюркских курганах могильников Маркелов Мыс I и II, совершенных по обряду трупоположения с конем. Отдельные элементы поясных наборов встречались и в погребениях енисейских кыргызов, совершенных по обряду трупосожжения на стороне. Данные курганы датируются их исследователями VIII–IX вв. и соотносятся с проникновением тюркского населения на территорию Минусинской котловины после походов Кюль-Тегина и Тонь-

юкука 711 г. и в дальнейшем, под давлением уйгуров. Всего в могильниках Маркелов Мыс I и II было найдено 5 полных и 7 неполных поясных наборов.

Полные поясные наборы обнаружены только в древнетюркских погребениях. Так, курган 5 могильника Маркелов Мыс I не был потревожен грабителями. Вместе с погребенным обнаружены железные детали целого поясного набора в составе рамчатой бесщитковой пряжки, наконечника ремня с округлым основанием, двух подквадратных с прямоугольными прорезями накладных блях, двух прямоугольных с узкими прорезями блях, одной сегментовидной и одной, возможно, сердцевидной бляхи. Найдены также детали пояса, утратившие из-за коррозии свою форму, и две небольшие рамчатые пряжки. На всех деталях отсутствует орнамент [Тетерин, 2000. С. 34].

В нетронутой грабителями могиле 53 этого же памятника обнаружены плохо сохранившиеся железные накладки, находившиеся в районе пояса погребенного. С ними находилось и железное кольцо, которое, вероятно, относилось к поясному набору. Изначальную форму поясных накладок в настоящее время установить невозможно, так как все они сильно деформированы и подверглись коррозии.

Поясной набор из могилы 54 могильника Маркелов Мыс I состоял из двух подквадратных и трех блях сегментовидной формы с прямоугольными прорезями, наконечника ремня с округлым концом и поясной пряжки с обломанным щитком. Судя по двум небольшим наконечникам ремней, в состав данного набора входили два подвесных ремешка. Все элементы пояса изготовлены из железа и на них отсутствует орнамент (рис. 1).

В погребении, совершенном по обряду трупоположения с конем в кургане 83 могильника Маркелов Мыс I, находился поясной набор без орнамента, состоявший из двух подквадратных и двух сегментовидных блях, рамчатой пряжки, а также пяти железных фрагментов, скорее всего, относящихся к наконечнику ремня. Язычок у пряжки отсутствовал.

Из общего ряда выделяется пояс из нетронутого грабителями кургана 9 могильника Маркелов Мыс II. В его состав входили бронзовая щитковая овально-рамчатая пряжка, бронзовая порталльная бляха-накладка

Рис. 1. Поясной набор из могилы 54 могильника Маркелов Мыс I:
1 – пряжка; 2–4 – бляхи-накладки порталной формы; 5–6 – бляхи-накладки подквадратной формы;
7 – наконечник ремня (1–7 – железо)

Рис. 2. Поясной набор с руническими надписями из кургана 9 могильника Маркелов Мыс II:
1 – пряжка; 2 – бляха-накладка порталной формы; 3 – бляха-накладка подквадратной формы;
4 – наконечник ремня (1–4 – бронза)

Рис. 3. Бронзовый наконечник ремня с рунической надписью из кургана 9 могильника Маркелов Мыс II

с фестончатым краем, арочной прорезью и простейшим растительным орнаментом, бронзовая подквадратная бляха-накладка, бронзовый наконечник ремня с округлым основанием, а также роговая лировидная подвеска с коротким язычком (рис. 2). По мнению ряда исследователей, лировидные подвески относятся к конскому снаряже-

нию. Так, Г. В. Кубарев считает, что они являются блоками чумбура [2005. С. 137]. Однако данная точка зрения является спорной. Д. Г. Савинов предположил, что они относятся к деталям поясного набора и являются прототипом металлических лировидных подвесок, широко распространившихся в IX–X вв. [1984. С. 127]. В кургане 9 могильника Маркелов Мыс II лировидная подвеска находилась в могиле в районе пояса, рядом с правой кистью человека [Митько, 1992. С. 20]. В данном случае есть все основания считать, что эта подвеска относилась к поясному набору.

Судя по многочисленным отверстиям в бронзовых элементах поясного набора, они неоднократно ремонтировались. Так, на щитке пряжки пробито три отверстия, через которые ремешками передняя и задняя части щитка крепились друг к другу. Изначально они были скреплены шпеньками, однако со временем задняя часть щитка отломилась в области крепления язычка. В обеих бляхах-накладках пробито по одному отверстию, а задние пластины блях, скорее всего, были утрачены еще при жизни владельца пояса. То, что бляхи-накладки изначально крепились к ремню с помощью задней пластины

и заклепок, также устанавливается по остаткам шпеньков на внутренней стороне бляхи-накладки.

Главной особенностью данного поясного набора являются рунические надписи на его элементах. На лицевой стороне щитка пряжки был нанесен руноподобный знак в виде буквы «Х», заключенной в круг. По мнению С. Г. Кляшторного (в письменном сообщении О. А. Митько), возможно, это знак «ай» – луна. На наконечнике ремня также нанесена короткая руническая надпись, в которой хорошо читается лишь сочетание двух знаков – «чи (чы)», что может входить в окончание профессии или имени (рис. 3). Исходя из особенностей написания, С. Г. Кляшторный отнес эту надпись к енисейскому варианту орхонского письма и датировал VIII в. [Митько, 1992. С. 21].

Неполные поясные наборы и их детали найдены как в древнетюркских, так и в кыргызских захоронениях. В разграбленном кургане 21 могильника Маркелов Мыс I, принадлежавшего, скорее всего, знатному тюркскому воину, из элементов поясного набора были обнаружены только серебряные наконечник ремня и бляха-накладка порталльной формы с фестончатыми краями и арочным вырезом со щитком (рис. 4). Оба изделия украшены растительным орнаментом, выполненным прорезной техникой.

В кургане 21 могильника Маркелов Мыс I к северной стенке была пристроена каменная выкладка могилы 24, в которой вместе с погребением по обряду трупосожжения обнаружена железная подквадратная бляха-накладка с прямоугольной прорезью. Данная могила, скорее всего, была сопутствующим захоронением подчиненного или зависимого кыргыза от погребенного в древнетюркском кургане 21.

В кургане 78 могильника Маркелов Мыс I обнаружено погребение по обряду трупосожжения. Рядом с кучкой кальцинированных костей были найдены бронзовая поясная бляха-накладка с задней пластиной и бронзовый наконечник небольшого подвесного ремня. Бляха-накладка сегментовидной формы, с растительным орнаментом, выполненным тиснением. Пластина крепилась к накладке при помощи трех шпеньков.

В погребении могилы 85 могильника Маркелов Мыс I, также совершенном по обряду трупосожжения, обнаружена желез-

ная накладка порталльной формы с прямоугольным вырезом, без орнамента.

В кургане 7 могильника Маркелов Мыс II от поясного набора сохранилась лишь роговая лировидная подвеска, принадлежность которой к поясному набору устанавливается по аналогии с похожей подвеской из соседнего кургана 9 (рис. 5, 5). Погребение, совершенное по обряду трупоположения с конем, было ограблено в древности и значительная часть погребального инвентаря утрачена.

В кургане 34 могильника Маркелов Мыс II, судя по обособленному положению, размерам и сложности погребального сооружения, похоронен знатный воин. Как и в кургане 21 могильника Маркелов Мыс I,

Рис. 4. Поясной набор из кургана 21 могильника Маркелов Мыс I (лицевая и тыльная стороны): 1 – бляха-накладка порталльной формы; 2 – наконечник ремня (1–2 – серебро)

Рис. 5. Поясные наборы из могильника Маркелов Мыс II: 1 – бляха-накладка порталльной формы из кургана 34; 2 – наконечник ремня из кургана 34; 3–4 – сегментовидные бляхи-накладки из кургана 71; 5 – лировидная подвеска из кургана 7 (1–4 – бронза, 5 – рог)

значительная часть богатого погребального инвентаря досталась грабителям. Практически все вещи оказались сдвинутыми со своих первоначальных мест, многие артефакты обнаружены в заполнении могильной ямы, а другие находились в разрозненном состоянии на дне могилы. Из деталей поясного набора сохранилась бронзовая бляха-накладка порталной формы без задней пластины, практически идентичная экземпляру из кургана 9 этого же могильника (рис. 5, 1). Пластина, по-видимому, утеряна. В накладке проделано ремонтное отверстие. Вероятно, один из четырех шпеньков сломался в ходе использования пояса, и тогда применили другой метод крепления бляхи-накладки к ремню, для чего и было проделано отверстие рядом со сломанным шпеньком [Митько, 1992. С. 46]. В этой же могиле найден наконечник ремня, изготовленный из светлого металла с небольшим налетом бронзовых окислов (возможно, оловянистая бронза) (рис. 5, 2). Помимо перечисленных предметов в погребении обнаружены две железные и две из светлого металла (оловянистая бронза?) ременные обоймы и кольца, которые, скорее всего, относятся к креплению колчана, а не поясному набору.

В погребении, совершенном по обряду трупоположения с конем в кургане 71 могильника Маркелов Мыс II, найдены две бронзовые сегментовидные бляхи-накладки без орнамента и без задних пластин (рис. 5, 3–4). Рядом с ними находились две железные пластины таких же размеров. Принадлежность их к поясному набору не установлена.

Рунические знаки на элементах поясного набора, аналогичные надписям на наконечнике ремня и щитке пряжки из кургана 9 могильника Маркелов Мыс I, встречаются достаточно редко. В литературе есть несколько упоминаний находок наконечников ремней с руническими надписями. Так, в 1935 г. в основном погребении кургана 1 в четвертой группе курганов у с. Курай был обнаружен искусно украшенный поясной набор из серебряных деталей с позолотой. На обратной стороне наконечника ремня была нанесена руническая надпись «Хозяина (господина) Ак-Кюна... кушак...» [Киселев, 1949. С. 302]. Судя по погребальному обряду и богатому инвентарю, это погребение принадлежало знатному представителю алтайских тюрок – в погребении рядом с человеком размещены три коня со сбруей из драгоценных металлов, дорогие украшения, серебряный кувшинчик с орхонской

надпись «Человек... (имя?) ... (с) шадом мужественный спутник» [Там же].

В 1971 г. рядом с раннескифским курганом Аржаан I было исследовано древнетюркское погребение с конем, в котором обнаружена поясная бляха с двумя руническими знаками. С. Г. Кляшторный относит эту надпись к енисейской провинции тюркского рунического письма и переводит как «lü» – «дракон» [1975. С. 185].

Рунические знаки были обнаружены также на обеих сторонах щитка пряжки и наконечника пояса в древнетюркском погребении с двумя конями в кургане 9 могильника Барбургазы II [Кубарев, 2005. С. 365]. Судя по погребальному инвентарю, здесь был захоронен знатный воин – многочисленные детали пояса были изготовлены из серебра. Как и в поясном наборе из кургана 9 могильника Маркелов Мыс II, две бляхи-накладки были отремонтированы с помощью ремешков, продетых в специально сделанные отверстия.

Аналоги наконечника ремня и поясной бляхи-накладки из кургана 21 могильника Маркелов Мыс I в разное время обнаружены в погребениях с конем на территории Алтая. Вышеупомянутый наконечник ремня с рунической надписью из кургана 1 четвертой группы курганов у с. Курай по технике изготовления, растительному орнаменту и своей форме наиболее сходен с экземпляром из кургана 21. Однако в поясном наборе из могильника Курай отсутствуют бляхи-накладки порталной формы, а детали пояса были из позолоченного серебра [Киселев, 1949. С. 302]. В кургане 2 могильника Узунтал исследован кенотаф, с двумя конскими и воинскими захоронениями. В одном из них обнаружен поясной набор, изготовленный из позолоченного серебра, во многом сходный с деталями рассматриваемого нами поясного набора. Основные различия заключаются в технике. Растительный орнамент не отливался в форме, а наносился тиснением. Следует также отметить, что орнамент деталей этих поясных наборов, несмотря на типологическую близость, имеет достаточно серьезные отличия. Например, вместе с полупальметами и волютами в бляхах-накладках из кургана 2 могильника Узунтал I в орнаменте используются треугольники, а на наконечнике ремня изображена застывшая в прыжке пятнистая лань в окружении вьющихся ветвей. Изображения зверей в орнаменте крайне редко встречается в элементах средневековых поясных наборов. На обратной стороне этого наконечника ремня нане-

сены руноподобные знаки [Савинов, 1982. С. 107].

Другой похожий поясной набор обнаружен также на Алтае в погребении с конем в кургане 8 могильника Юстыд I [Кубарев, 2005. С. 368]. Пряжка, наконечник ремня и бляхи-накладки были также изготовлены из серебра с позолотой. Узоры растительного орнамента практически идентичны с поясным набором из кургана 2 могильника Узунтал I, только без включения треугольников и зооморфных фигур. Орнамент также нанесен тиснением.

Как уже упоминалось выше, практически все поясные наборы могильников Маркелов Мыс I и II обнаружены в погребениях, совершенных по обряду трупоположения с конем (9 из 12), в то время как в могилах местного населения (трупосожжения) всего три одиночные бляхи-накладки (одна бронзовая и две железные). Д. Г. Савинов упоминает, что детали поясных наборов крайне редко встречаются в кыргызских погребениях VI–VII вв. [1994. С. 32]. В таштыкских погребениях, в том числе и в склепах могильника Маркелов Мыс I, встречаются одиночные детали ритуальных поясных наборов. Судя по находкам трех блях-накладок в могилах по обряду трупосожжения (могилы 24, 78, 85 могильника Маркелов Мыс I), можно предположить, что местное кыргызское население междуречья Енисея и Чулыма, находившееся в зависимости от завоевателей-тюрков, стало чаще включать детали поясных наборов в состав своего погребального инвентаря.

Еще одной особенностью поясных наборов могильников Маркелов Мыс I и II является преобладание поясов, состоящих из железных деталей. Из одиннадцати поясных наборов шесть сделаны из железа, остальные из бронзы и серебра. Практически все детали железных поясов имеют простые геометрические формы (подквадратные, сегментовидные). Установить наличие орнамента невозможно в силу сильной коррозии металла. Интересной, на наш взгляд, является бляха-накладка из погребения, совершенного по обряду трупосожжения на стороне в могиле 85 могильника Маркелов Мыс I, которая по своей форме подражает бронзовым порталным накладкам.

Близкий по составу и материалу изготовления поясной набор из описываемых нами могильников исследован в кургане 6 могильника Талдуаир I на Алтае. По мнению Г. В. Кубарева, изготовление поясных наборов из железа вместо оловянистой бронзы,

которая выступала основным материалом для изготовления деталей, произошло в поздний период (IX–X вв.) [Кубарев, 2005. С. 54, 282]. Возможной причиной перехода на железо называются наступившие в это время серебряный и медный сырьевые кризисы на территории Центральной Азии [Конькова, Король, 2001. С. 97].

Еще одна слабо разработанная проблема – выявление мест производства деталей поясных наборов. Практически все аналоги наиболее ярким экземплярам из могильников Маркелов Мыс I и II встречаются на территории Алтая, в то время как простые пояса с геометрическими формами – далеко за пределами Саяно-Алтая. Как считает Г. В. Кубарев, поясные наборы, обнаруженные в археологических памятниках Алтая, изготовлены на этой же территории. Данный вывод основан на химическом анализе серебряных и бронзовых сбруйных украшений и деталей поясных наборов [2005. С. 54].

Учитывая типологическую близость исследуемых нами материалов с алтайскими, можно предположить, что носители обряда трупоположения с конем пришли на Средний Енисей с территории Алтая. Вероятно, некоторые детали поясных наборов, в первую очередь изготовленные из бронзы, могли иметь алтайское происхождение. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данное предположение, необходимо провести анализ химического состава поясных деталей из могильников Маркелов Мыс I и II. Можно также допустить, что после появления завоевателей-тюрков в междуречье Енисея и Чулыма местное население начинает копировать образы их поясных деталей. В то время как пришельцы, оказавшись вдали от родины, начинают чаще использовать поясные наборы из железа. В этой связи важно отметить, что большинство бронзовых блях-накладок и пряжек подвергались ремонту. Вполне возможно, это уже изрядно изношенные поясные наборы знатных воинов.

Таким образом, материалы поясных наборов могильников Маркелов Мыс I и II свидетельствуют о процессах взаимной аккультурации двух этнических групп, проживавших на территории междуречья Чулыма и Енисея в VIII–IX вв.: енисейских кыргызов (хоронили своих умерших по обряду трупосожжения) и тюрков (практиковали обряд трупоположения с конем). Результаты исследования показывают, что, во-первых, после появления древних тюрков на данной территории местное кыргызское население

под их влиянием стало чаще включать в состав погребального инвентаря детали поясных наборов. Во-вторых, в междуречье Чулыма и Енисея и тюрки, и кыргызы преимущественно пользовались железными поясными наборами простых геометрических форм. Наборные пояса из бронзы и серебра характерны для погребений тюркской знати. Пояса, украшенные изделиями из этих металлов, подчеркивали их высокий социальный статус. И в-третьих, большинство аналогов деталей поясных наборов, представленных в древнетюркских погребениях могильников Маркелов Мыс I и II, указывают на то, что этническая группа тюрков, пришла на территорию междуречья Чулыма и Енисея извне, возможно, с территории Алтая.

Список литературы

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–134.

Добжанский В. Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990. 164 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л., 1949. № 9. 364 с.

Кляшторный С. Г. Рунические надписи из кургана Аржаан II // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 184–185.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. М.: Наука, 1979. Е 1–2. 112 с.

Конькова Л. В., Король Г. Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии

эпохи Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (8). С. 94–100.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Митько О. А. Отчет о работе Красноярского археологического отряда в 1991 году. Новосибирск, 1992. 78 с.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.

Распопова В. И. Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 78–91.

Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.

Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.

Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Кемерово, 1994. 215 с.

Тетерин Ю. В. Древнетюркские погребения могильника Маркелов Мыс I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 27–54.

Материал поступил в редколлегию 10.06.2014

G. G. Sakhyanov¹, Yu. V. Teterin²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

guryan.sakhyanov@yandex.ru

THE PLAQUE-DECORATED BELTS OF THE ANCIENT TURK EPOCH IN THE SITES OF THE YENISEI AND THE CHULYM INTERFLUVE (MARKELOV MYS I AND II BURIAL GROUNDS)

Purpose: This article describes ethno-cultural interaction between different ethnic groups of the Middle Enisei region in the ancient Turk epoch. As an example of this interaction we use 12 plaque-decorated belts from Markelov Mys I and II burial grounds which are located in the interfluve of the Yenisei and the Chulym rivers. Many researchers note that the belt was a kind of passport of a war-

rior, which allowed to recognize its successes and awards. Written sources reveal that warrior can be awarded with a gold (silver, bronze) plaque or lyre-shaped pendant. Plaque-decorated belts which widely spread out over the Central Asia in the ancient Turk epoch gave us the evidences of interactions between ethnic groups of different regions.

Results: Medieval barrows of Markelov Mys I and II contained 5 intact plaque-decorated belts and details of 7 partial belts. 9 belts were discovered in burials with inhumations and horse and only 3 belts were discovered in burials with cremations (which are supposed to be a local ethnic group). Inhumations with accompanying horse from Markelov Mys I and II are supposed to be burials of the ancient Turk warriors of the Second Turkic Kaghanate and are dated by VIII–IX centuries A.D. In the burial 21 from Markelov Mys I (inhumation with accompanying horse) 2 silver belt details were found (the plaque of portal form and the tip of the strap). The similar plaques and the tips of strap were found in Kuray IV, Uzuntal I and Yustyd I burial grounds. The bronze intact plaque-decorated belt (buckle, plaque of portal form, plaque of rectangular in shape form and tip of the strap) was found in burial № 9 from Markelov Mys II (inhumation with accompanying horse). The buckle and the tip of the strap have runic inscriptions of Orkhon-Yenisei script that can be translated as «moon» (inscription on the back of buckle) and a part of the name or profession (inscription on the tip of the strap). Similar belt details with runic inscription were found in Kuray IV and Barburgazy II in Altai and Arzhaan II in Tuva. In most cases runic inscriptions describe the owner of the belt. We found out that silver and bronze belts belonged to the non-local ethnic group (inhumations with accompanying horse burial) and could be brought from Altai where one of the main centers of production silver and bronze plaque-decorated belts were located. The most of details of the bronze plaque-decorated belts from Markelov Mys I and II have traces of repair and were brought from the other region. Besides in burials of the local ethnic group (cremations) only 3 single plaques were found. Plaque-decorated belts were rarely in burial ritual by the local population inhabiting interfluvium of the Yenisei and the Chulym rivers in the Tashtyk epoch. We suppose that the local ethnic group began including plaque-decorated belts in burials after non-local ethnic group (supposed ancient Turk) invasion. Also we assume that the local population copied shapes of Turkic plaque-decorated belts but made them of iron instead of bronze or silver.

Conclusion: Thus it is one of the many aspects of ethno-cultural interaction between the local ethnic group (Tashtyk-Kyrgyz population) and the strange ethnic group (ancient Turk population).

Keywords: South Siberia, Middle Yenisei, plaque-decorated belt, ancient Turk, Kyrgyz, ethno-cultural interaction.

References

Ambroz A. K. Problemy rannesrednevekovoi khronologii Vostochnoi Evropy [Chronology problems in the early Middle Age history of Eastern Europe]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1971, vol. 3, p. 106–134. (in Russ.)

Dobzhanskiy V. N. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Plaque-Decorated Belts of Asian Nomads]. Novosibirsk, 1990, 164 p. (in Russ.)

Kiselyov S. V. Drevnaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [Ancient History of South Siberia]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches of USSR Archaeology]. Moscow, Leningrad, 1949, vol. 9, 364 p. (in Russ.)

Klyashtorniy S. G. Runichekkiye nadpisi iz kurgana Arzhaan II [Runic Inscriptions from Arzhaan II Burial]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri* [Primeval Archaeology of Siberia]. Leningrad, Nauka, 1975, p. 184–185. (in Russ.)

Konkova L. V., Korol' G. G. Formirovanie i razvitie traditsii v obrabotke khudozhestvennogo metalla v stepnoi Evrazii epokhi Srednevekov'ya [Generation and evolution of art metal working traditions in steppes of Eurasia in Middle Age]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk, 2001, vol. 1, p. 94–100. (in Russ.)

Kovalevskaya V. B. Poyasniye nabory Evrazii IV–IX vekov. Pryazhki [Plaque-Decorated Belts from Eurasia in IV–IX Centuries]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [A set of Archaeological Sources]. Moscow, 1979, vol. E 1-2, 112 p. (in Russ.)

Kubarev G. V. *Kultura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov)* [The Culture of the Ancient Turks of the Altai (On the Basis of Burials)]. Novosibirsk, IAE Publ., 2005, 400 p. (in Russ.)

Mitko O. A. *Otchet o rabote Krasnoyarskogo arkheologicheskogo otryada v 1991 godu* [Report on the Work of Krasnoyarsk Archaeological Team in 1991]. Novosibirsk, 1992, 78 p. (in Russ.)

Ovchinnikova B. B. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh* [Turkic Antiquities of Sayano-Altai Region in VI–X Centuries]. Sverdlovsk, 1990, 223 p. (in Russ.)

Raspopova V. I. *Metallicheskie izdeliya rannesrednevekovogo Sogda* [Fabricated Metal Products of Sogd in the Early Middle Ages]. Leningrad, Nauka, 1980. 138 p. (in Russ.)

Raspopova V. I. *Poyasnoi nabor Sogda VII–VIII vekov* [Plaque-Decorated Belts of Sogd in VII–VIII Centuries]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1965, vol. 4, p. 78–91. (in Russ.)

Savinov D. G. *Drevnetyurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kuraiskoi kul'tury)* [Ancient Turk Burials in Uzuntal Valley]. *Arkheologiya Severnoi Azii* [Archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, p.102–122. (in Russ.)

Savinov D. G. *Gosudarstva i kulturogenез na territorii Yuzhnoi Sibiri* [State and the Cultural Genesis in South Siberia]. Kemerovo, 1994, 215 p. (in Russ.)

Savinov D. G. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu* [Nations of South Siberia in the Ancient Turk Epoch]. Leningrad, LGU Publ., 1984, 176 p. (in Russ.)

Teterin Yu. V. *Drevnetyurkskie pogrebeniya mogil'nika Markelov Mys I* [The Ancient Turkic Burials from Markelov Mys II Site]. *Pamyatniki drevnetyurkskoi kul'tury v Sayano-Altai i Tsentral'noy Azii* [Artifacts of Ancient Turks culture in Sayano-Altai region and Central Asia]. Novosibirsk, 2000, p. 27–54. (in Russ.)